

НА ПОСЛЕДНИХ страницах романа П. Проскурина «Судьба» (журнал «Москва», №№ 8—11 за 1972 г.) героиня его Ефросинья Дерюгина, выйдя ночью из землянки, проведать телушку, оставленную вдруг, охваченная чувством огромности и неохватности жизни. «Приглушенный, мягкий свет заливал землю из края в край, облетевшие яблоны отбрасывали расплывчатые, причудливые тени... Ефросинья замерла, нечто неосознанное и могучее захватило ее и сделало дыхание трудным...» Как-то сразу подступило все: только что отгремевшая война, оккупация, Ефросинья словно бы кожей самой почувствовала «всю тяжесть ее жизни». Нет известий о муже-солдате, об угнанном в Германию старшем сыне, деревня — сплошное пепелище. Сколько пережито тяжелого, страшного... Но ведь и радости не обходят стороной: вернулась воевавшая в партизанской дочка, подрастают двое сыновей, смелых и заботливых. Купила вот телушку, вела ее по родным Густимам, «словно в праздник великий...» Ефросинья постепенно чувствовала прибывающую уверенность... Луна передвинулась, и тень от высокой, прямой фигуры Ефросиньи еще увеличилась... и уже нельзя было точно определить ее очертания на земле.

Человек в огромном и трудном мире, в сложном взаимодействии с обстоятельствами... Человек страдающий, борющийся, побеждающий... Он и малая песчинка в вихре событий, он и великая сила — попробуй определи его пределы, его очертания на земле.

Роман Проскурина — об этом. Обширна и разнолика галерея человеческих типов, воссозданных писателем. Сколько людей, столько и судеб. Но среди всего этого многообразия, многоголосия вновь и вновь возникает главная, самая важная мысль романа — мысль о нераздельности каждой человеческой судьбы с судьбой народной. Именно тогда и бывает велик человек, когда он ощущает себя частью народа — в делах своих, в нравственных побуждениях.

Война занимает всю вторую книгу романа. Действие первой книги начинается в пору коллективизации и завершается в конце сорок первого года. Писатель стремится

широко показать движение масс, втянутых в движение истории и творящих ее. Проявилась в романе и общая для многих эпических произведений последних лет тенденция к панорамности, к изображению действительности с разных ступеней обзора.

Надо сказать, воплощена эта тенденция П. Проскуриным не во всем успешно. Иные эпизоды, в которых писатель пытается осмыслить события с «командных высот», дать обобщенную философскую характеристику времени (в авторской ли речи или в высказываниях и раздумьях героев), производят

писателем картины жизни областного города Холмска, строительства моторного завода в близлежащем Густимам городе Зежске. Краски времени отчетливо проступают в облике профессионального революционера, секретаря обкома Петрова, инженера Чубарева, редактора газеты Пикарева... Поистине символическая картина ударного труда на строительстве, переданная через восприятие партийного работника Брюханова.

Об умении Проскурина выразить общее через частное ярко говорят страницы, посвященные войне, — сражению за Смоленск, партизанскому движению на Холмщи-

каждого просвещенного человека в борьбе с большевизмом...» «Молодцы! Успели! Рвут! — ликующе сигнало внутри...» Верецапин кричал, в руках у него плясал револьвер, и Кошев «свободно и радостно засмеялся ему в лицо».

Не раз и не два еще подхватывает течение романа Проскурина к пикам истинной драматичности и трагедийности. И в каждом таком случае сполна проявляет себя психологическое искусство писателя. Проскурин не боится изображать человека в момент высшего напряжения духовных сил, в звездный час, когда решается сама

жизнь его. И, может быть, именно такие страницы более всего способны послужить доказательством возможностей романиста.

Возможности эти, несомненно, значительны. Новым романом Петр Проскурин еще раз заявил о себе как о художнике глубоком, озабоченном коренными проблемами народной жизни. Но, принимая и поддерживая в произведении все яркое, ценное, не следует закрывать глаза и на то, что получилось у автора слабее. Читая «Судьбу», нередко испытываешь двойственное чувство. С одной стороны, радуешься изобразительному искусству писателя, его умению высветить время в человеческой судьбе. С другой — сетуешь на недостаточную целеустремленность в построении романа, описательность, отсутствие сцеплений между линиями, между эпизодами.

П. Проскурин остро чувствует «многозначность» жизненных явлений и с искренним увлечением воспроизводит ее. Надо ли говорить, что эпопея такая «многозначность» не противопоказана, напротив, она связана с самой ее природой. Однако все хорошо в разумных пределах. Основное действие романа подчас буквально забивается избытком эпизодов, подробностей, характеристик, в которых нет, по существу, никакой художественной необходимости. Причем и в большинстве проходных сцен П. Проскурин осно-

вательно, даже пластичен. Но ведь мало хорошо написать сцену, надо еще представлять, зачем она — в границах замысла, в границах задач, поставленных перед собой художником.

Это нежелание автора ограничить себя оборачивается ущербом для некоторых главных героев. Думается, глубже мог быть обрисован Захар Дерюгин — основной персонаж первой книги романа (хотя многие черты незаурядной натуры этого человека даны интересно и выпукло). Нельзя, конечно, не страдать, читая о драматических обстоятельствах любви Захара к красавице Мане По-

думанность всей этой ситуации. Между прочим, Брюханов — друг Дерюгина по гражданской войне, Алленку знал еще девочкой. Но любопытно: ни в мыслях, ни в разговорах Брюханова и Алленки имя Захара не возникает ни разу... Штрих характерный, он красноречиво свидетельствует, насколько искусственны обстоятельства, в которые поставлены автором Брюханов и Алленка, как прочно «вынуты» они из своей естественной психологии.

Разумеется, требования художественной целесообразности не надо понимать утилитарно. Странно было бы в романе-эпопее вымерять «практическую», так сказать, пользу каждой ситуации: работает ли, дескать, она на сюжетное движение, как и насколько развивает наши представления о персонажах. В произведении, так широко захватывающем различные пласты жизни, очень важно воссоздание самой атмосферы действия. Захочет ли кто-нибудь упрекнуть писателя, скажем, в том, что он много места уделяет в конце повествования Егору и Николаю, сыновьям Захара Дерюгина, рассказывая об их полудетских, полувзрослых последующих заботах? Или в том, что столь подробно изображает мать Захара, бабушку Авдотью? Ведь это и есть, собственно, то, из чего складывается атмосфера произведения. А что касается бабки Авдотьи, то это и вовсе один из наиболее живых, наиболее зримых образов романа. Так что, ведя речь об описательных излишествах и композиционных просчетах, мы несколько не покушаемся на жанровое своеобразие, на права художника.

...Писательская судьба Петра Проскурина поучительна. Начав одновременно с большой группой талантливых российских прозаиков, которых еще не так давно принято было именовать молодыми, он в отличие от многих сразу же обозначил твердое намерение выйти за пределы личного опыта, обратиться к глубинным пластам народной жизни. Так родились известные читателям романы «Исход», «Горькие травы». Роман «Судьба» знаменует собой еще один шаг вперед в творческом развитии писателя. Немалые удачи этого произведения позволяют сделать именно такой вывод.

М. СИНЕЛЬНИКОВ.

МНОГОЗВУЧИЕ ЖИЗНИ

О РОМАНЕ П. ПРОСКУРИНА «СУДЬБА»

впечатление случайности и искусственности. Куда увереннее чувствует себя автор, обращаясь к изображению событий в их конкретности, осязаемости. И характерно: те самые обобщения, которые Проскурин далеко не всегда удается глубоко и точно сформулировать, как бы сами собой возникают в читательском сознании, естественно вытекают из объективного смысла многих коллизий, эпизодов.

Вот так свободно, ненавязчиво воссоздается в романе духовная атмосфера, сопровождающая процесс социалистического переустройства деревни: драматизм классовых столкновений и идущая рядом с ним радость приобщения к коллективистским принципам жизни. Картина колхозного собрания, решающего вопрос о председателе и сполна вызывающего самостоятельность людей, их уверенность в своих правах... Страницы, повествующие о том, как колхозники помогают строить дом семье Дерюгиных: похоже на традиционную «помощь», но не бедность объединяет теперь, а чувство общности... И так, из штрихов и подробностей, складывается общая картина, говорящая о характере жизни деревни Густимы.

Столь же предметно, хотя, быть может, и с меньшей степенью органичности (деревенские сцены в обеих книгах романа отмечены особым колоритом, особой уверенностью знания), воссоздаются

не. Когда мы читаем о солдатах, кровью своей омывающих каждую пядь родной земли, когда читаем о сопротивлении густимцевцев вражескому нашествию, мы безошибочно видим за этим единство патристического и социального. И еще: именно здесь, в повествовании о войне, особую наглядность приобретает вопрос о связи индивидуального и общенародного, о роли и возможности каждого отдельного человека. Ценою собственной жизни спасает семью Дерюгиных от преследований фашистского изверга старик односельчанин Григорий Козев, подпольщик, вынужденный носить повязку полиция. Рассчитано и хладнокровно — если возможно здесь это слово — жертвует собой коммунист, председатель Зежского райисполкома Кошев: ему надо отвлечь внимание немцев, выиграть время — минируют моторный завод, и он выходит к врагам. Среди занявших территорию моторного немцев он видит предателя, начсба Верецапина, тот в радостном изумлении приветствует Кошева. Ничего, и это надо стерпеть... «Кошев согласно кивал», в нечеловеческом напряжении «пропуская через себя каждую секунду; вот сейчас, сейчас, ну, скорей же, скорей...» «Он что-то сказал, кажется, к месту, насчет своего решения остаться в городе...» «Пол дернулся у него из-под ног, когда Верецапин говорил о почетной задаче

жизнь его. И, может быть, именно такие страницы более всего способны послужить доказательством возможностей романиста.

Возможности эти, несомненно, значительны. Новым романом Петр Проскурин еще раз заявил о себе как о художнике глубоком, озабоченном коренными проблемами народной жизни.

Но, принимая и поддерживая в произведении все яркое, ценное, не следует закрывать глаза и на то, что получилось у автора слабее.

Читая «Судьбу», нередко испытываешь двойственное чувство. С одной стороны, радуешься изобразительному искусству писателя, его умению высветить время в человеческой судьбе. С другой — сетуешь на недостаточную целеустремленность в построении романа, описательность, отсутствие сцеплений между линиями, между эпизодами.

П. Проскурин остро чувствует «многозначность» жизненных явлений и с искренним увлечением воспроизводит ее. Надо ли говорить, что эпопея такая «многозначность» не противопоказана, напротив, она связана с самой ее природой. Однако все хорошо в разумных пределах. Основное действие романа подчас буквально забивается избытком эпизодов, подробностей, характеристик, в которых нет, по существу, никакой художественной необходимости. Причем и в большинстве проходных сцен П. Проскурин осно-

вательно, даже пластичен. Но ведь мало хорошо написать сцену, надо еще представлять, зачем она — в границах замысла, в границах задач, поставленных перед собой художником.

Это нежелание автора ограничить себя оборачивается ущербом для некоторых главных героев. Думается, глубже мог быть обрисован Захар Дерюгин — основной персонаж первой книги романа (хотя многие черты незаурядной натуры этого человека даны интересно и выпукло). Нельзя, конечно, не страдать, читая о драматических обстоятельствах любви Захара к красавице Мане По-

думанность всей этой ситуации. Между прочим, Брюханов — друг Дерюгина по гражданской войне, Алленку знал еще девочкой. Но любопытно: ни в мыслях, ни в разговорах Брюханова и Алленки имя Захара не возникает ни разу... Штрих характерный, он красноречиво свидетельствует, насколько искусственны обстоятельства, в которые поставлены автором Брюханов и Алленка, как прочно «вынуты» они из своей естественной психологии.